

Л.А. Беляев
Россия. Москва
Институт археологии РАН

Средневековые вестернизации и ориентальный вектор развития Руси: археологические аспекты

Важная особенность археологии конца Средневековья и начала Нового времени – работа с памятниками, которые ныне существующих народов и государств ощущает как вполне живую часть своей памяти.

Для более ранних периодов у народов Средиземноморского круга такая связь всегда конструктивна, она намеренно избрана разработана. Ее историчность может быть более или менее реальной, но разрыв прошлого с настоящим очевиден – арабы Египта говорят на ином языке, чем создатели цивилизации долины Нила; турки воспринимают античное и византийское наследие как чуждое, а греки, напротив, охотно возводят себя к воинам Спарты и философам Афин – но о преемственности трудно говорить в обоих случаях. Столь же условна связь итальянцев с этрусками или италиками, а французов с галлами; испытывает на себе попытки деконструкции этно-конфессиональное правопреемство современных израильтян от иудеев железного века.

И напротив: могильники, крепости, заводы и мастерские XVI, XVII, XVIII веков оставили наши собственные прашуры, с которыми подчас можем почитать родством. Мы знаем о них чрезвычайно много и без археологии. Настолько много, что встает вопрос: к чему она тут? Преимущество превращается в недостаток: работа археолога оказывается на границе праздного любопытства и прямого кощунства. Можно вскрыть могилу и составить трехмерный портрет погребенного, или отметить на земле границы его давно забытого дома. Но, будь это даже широко известный персонаж национальной истории – стоит ли ради уточнения одной-двух подробностей его биографии (далеко не всегда важных) упражняться во вскрытиях могил и раскопках сравнительно молодых фундаментов?

Конечно, на помощь приходит понятие охраны наследия – поздние слои, памятники, погребения постоянно (и не всегда намеренно) подвергаются разрушению. Их волей-неволей приходится исследовать – хотя бы для того, чтобы сохранить латентную и не всегда актуальную информацию, создать на этой основе мемориальные структуры, использовать их в целях популяризации истории.

Но как поставить фундаментальные вопросы? Не обречены ли мы быть навсегда замкнутым в области микроистории, истории быта и визуализации давно известных событий? Как выйти из этого пространства в длительное время, в область исторических и культурологических умозаключений?

Несколько лет назад мы предложили простой прием – соединить археологию с большим нарративом. Ведь такие исследования могут «утвердить», «утвердить с поправками» или вовсе отвергнуть те или иные пункты традиционного маршрута в национальное прошлое. Но этого, разумеется, недостаточно – чрезвычайно важно ставить такие вопросы, на которые традиционные источники отвечают, так сказать, с запинкой и не полно.

В числе таких вопросов – традиционная проблема принадлежности России к тому или иному культурному кругу, ее самоопределение в исторической среде. Понимание того, что до XVIII в это определение попросту не состоялось; представление об историческом процессе как прогрессивном и кумулятивном (в XIX веке почти расхожее) – сегодня воспринимается с известным трудом, как и, скажем, идея прогресса в искусстве. От того, что сможет сказать на сей предмет поздняя археология будет существенно зависеть вся наша цивилизационная модель.

Чрезвычайно ценно такое описание истории России до XVIII века, в котором элементы восточного и западного образа жизни, культуры, быта можно будет взвесить и расчислить, определив глубину их проникновения в толщу социума и, главное, способность

воздействовать на него в целом. А также, конечно, продемонстрировать работу национальной модели механизма трансформаций внешних воздействий – несомненных стимулов саморазвития. К подобной работе археология, с ее вниманием к исходному пункту возникновения, формам, количественным оценкам, моделям распределения и технологиям, имеет исключительно удачные предпосылки.

Новое в этой схеме, представляемое в данном докладе – изучение взаимодействия восточных и западных импульсов не с локальной средой и постепенно формирующейся традицией (такие примеры изучены уже довольно хорошо), а друг с другом внутри этой среды. Хорошо известно, что пространство России в течение многих столетий служило своего рода полем для редких встреч далеко отстоявших друг от друга миров – и встречи эти происходили не только в форме военных конфликтов. Примеры неожиданных встреч Востока и Запада на почве Московии и ранней Империи будут представлены в докладе.